

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-400-410

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Интервью с РУСТАМОМ РЕНАТОВИЧЕМ БУРНАШЕВЫМ,
профессором Казахстанско-Немецкого университета (Казахстан)

Рустам Ренатович Бурнашев родился в 1969 г. в Ташкенте. В 1986—1991 гг. обучался на философско-экономическом факультете Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина по специальности «Философия». В 1995—1997 гг. обучался в аспирантуре Института философии и права им. И.М. Муминова Академии наук Республики Узбекистан; кандидат философских наук (PhD).

Преподавательскую карьеру начал в 1991 г. в качестве преподавателя философии и логики кафедры философии и права Второго Ташкентского медицинского института. С 1998 г. — старший научный

сотрудник, затем — начальник сектора анализа внешней политики Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. С 2000 г. — доцент факультета международных отношений Университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана. С 2002 г. — профессор факультета социальных наук Казахстанско-немецкого университета. В период с 2004 по 2010 г. регулярно работал в Университете Калифорнии — Беркли как приглашенный исследователь.

В своем интервью профессор Бурнашев анализирует состояние центральноазиатских исследований в странах Европы и США, говорит об особенностях развития Центральной Азии на современном этапе, подчеркивая надуманный и преувеличенный характер угрозы, исходящей от радикальных исламистских группировок, для Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: Центральная Азия, центральноазиатские исследования, теоретико-методологический подход, Копенгагенская школа, безопасность Центральной Азии

— Вы являетесь одним из тех казахстанских экспертов, кто наиболее активно включен в международное исследовательское пространство. Как вы оцениваете современное состояние изучения региона Центральной Азии в мире?

— Ответить на ваш вопрос достаточно сложно. Прежде всего, в связи с тем, что, как и любой объект в рамках региональных исследований, Центральная Азия имеет много срезов — исторический, культурный, экономический... О каком из них идет речь? Например, история стран и народов Центральной Азии, их культура изучаются достаточно активно, в этой сфере работают специалисты

с мировыми именами. Не буду их называть, поскольку боюсь кого-то упустить. С другой стороны, исследования экономических процессов, напротив, и, к сожалению, не так масштабны. Сложность оценки этого сегмента обусловлена и субъективным фактором: я не являюсь экономистом и просто могу не знать всего спектра работ по экономическим вопросам, касающимся Центральной Азии.

Если остановиться только на тех аспектах изучения Центральной Азии, которыми я занимаюсь, — международные вопросы, региональные процессы в политической и военной сфере, вопросы безопасности, то и тут оценка современного состояния изучения Центральной Азии не будет однозначной. С одной стороны, как специалисту, изучающему страны Центральной Азии, мне кажется, что этому полю уделяется недостаточное внимание. Но это характерно для специалиста в любой области: находясь «внутри» исследовательского процесса, мы видим много вопросов, требующих осмысления и специального исследования. «Внешним» же наблюдателям эти вопросы будут казаться «мелкими частностями». С другой стороны, объективно Центральная Азия в настоящее время — периферия международных отношений, и, с этой точки зрения, она, очевидно, менее интересна для научных проектов, реализуемых вне региона — в США, странах Европы. В этом плане показателен, как мне кажется, последний Конгресс Ассоциации международных исследований (International Studies Association, ISA), прошедший в 2018 г. в Сан-Франциско. Из 1248 секций, панельных дискуссий и круглых столов прямо Центральную Азию затрагивали только две. Конечно, был ряд выступлений, касавшихся Центральной Азии в некоторых специфических аспектах, а также затрагивающих отдельные страны, традиционно относящиеся к этому региону. Но в любом случае ситуация, по моему мнению, показательна.

Таким образом, институционализация фокусировки исключительно на Центральной Азии в нашем понимании этого термина — достаточно редкое явление в зарубежном академическом сообществе. Наверное, самый известный случай — возглавляемый Фредериком Старром и Сванте Корнеллом [Cornell, Starr, Tucker 2018] Институт центральноазиатских и кавказских исследований¹, в настоящее время связанный с Американским советом по внешней политике.

Как правило, мы имеем дело с «вписыванием» Центральной Азии в тот или иной более широкий контекст. Например, одна из лидирующих американских структур в этой области — Департамент центрально-евразийских исследований Университета Индианы². Нельзя в этом ключе не упомянуть Дэвис центр российских и евразийских исследований Гарвардского университета³ и Институт ближневосточных, центральноазиатских и кавказских исследований Университета Сент-Эндрюс (Великобритания)⁴. Особо хочу отметить центр, где я несколько лет

¹ The Central Asia-Caucasus Institute and the Silk Road Studies Program. URL: <http://www.silkroadstudies.org>.

² Department of Central Eurasian Studies, Indiana University Bloomington. URL: <http://www.indiana.edu/~ceus/>.

³ The Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University. URL: <https://daviscenter.fas.harvard.edu>.

⁴ Institute of Middle East, Central Asia and Caucasus Studies, University of St. Andrews. URL: <https://www.st-andrews.ac.uk/ir/research/centres/mecacs/>.

стажировался, — Институт славянских, восточноевропейских и евразийских исследований Университета Калифорнии — Беркли⁵. Безусловно, невозможно указать все центры или институты, заслуживающие внимания. Так, я не затронул Китай, Индию, Пакистан...

Очень интересные исследования по Центральной Азии проводятся в скандинавских странах, например, в Норвежском институте иностранных дел⁶, в Австралии, в Австралийском национальном университете⁷. Но, надеюсь, так или иначе я очертил общую картину или принцип, на котором строится современная институционализация исследований Центральной Азии как исследований региональных.

Лично мне более импонирует дисциплинарный или даже теоретико-методологический подход: когда страны Центральной Азии или Центральная Азия в целом изучаются не в рамках институционализированных региональных исследований, а через призму конкретной теории или методологии. Например, Филиппо Коста Буранелли, сотрудник Института ближневосточных, центральноазиатских и кавказских исследований Университета Сент-Эндрюс, рассматривает процессы, протекающие в Центральной Азии, через призму английской школы международных отношений [Costa Buranelli 2017, 2018]; Стивен Фиш, профессор Университета Калифорнии — Беркли, — на основе методов сравнительной политической науки [Fish, Choudhry 2007]; Клэр Уилкинсон предпринимает попытки опровергнуть идеи Копенгагенской школы, анализируя события 2005 г. в Киргизии [Wilkinson 2007]; Кирилл Нуржанов и Амин Сайкал из Австралийского национального университета рассматривают ситуацию в странах Центральной Азии через призму концепции «слабых государств» [Nourzhanov 2016; Saikal 2016]. И этот перечень можно продолжать очень долго.

Как и в других секторах, в значительной степени академическое сообщество, изучающее Центральную Азию, объединяется вокруг научных журналов, таких как *Central Asian Survey*, или научных сообществ, таких как Общество исследований Центральной Евразии (*Central Eurasian Studies Society*⁸), проводящих на регулярной основе конференции, семинары и тому подобные мероприятия.

— Изучение Центральной Азии — это отдельное направление исследований или они идут в основном через призму постсоветских или исламских исследований?

— Идет ли изучение Центральной Азии через призму постсоветских исследований? Да, безусловно. Является ли это единственным возможным или реализуемым подходом? Нет. Например, я рассматриваю страны региона на основании

⁵ Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies, Berkeley University of California. URL: <https://iseees.berkeley.edu>.

⁶ The Norwegian Institute of International Affairs — NUPI. URL: <http://www.nupi.no/en/Our-research/Regions/Russia-and-Eurasia>.

⁷ Australian National University . URL: <http://www.anu.edu.au/research/our-research>.

⁸ Central Eurasian Studies Society. URL: <https://www.centraleurasia.org>.

идеи деления государств на сильные и слабые, с одной стороны, домодернистские, модернистские и постмодернистские — с другой. Достаточно активно идет использование идей постколониальных исследований. Эти подходы сложно вместить в рамки «постсоветских исследований».

Аналогично обстоит дело и с «исламскими исследованиями». Очевидно, значительная доля населения Центральной Азии — мусульмане или, как минимум, позиционируют себя как мусульман. Ислам оказал серьезнейшее влияние на культуру народов Центральной Азии, философскую мысль и ряд других процессов. Но, с другой стороны, является ли ислам, или более широко — религия, единственным объясняющим фактором этих процессов? Очевидно, нет.

Сложность связана и с тем, что мы до настоящего момента не имеем однозначного понимания, что есть «Центральная Азия». С точки зрения разных подходов и наук мы будем получать на этот вопрос разные ответы. Например, в области международных отношений, в политическом плане, после Ташкентской встречи лидеров Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, прошедшей в 1993 г., под «Центральной Азией» понимают именно эти пять государств. Но вместе с тем в 2000-х гг. была предложена концепция «Большой Центральной Азии», дополняющая указанный список Афганистаном. Возможность включения в Центральную Азию Афганистана с точки зрения исследований безопасности обусловлена активной секьюритизацией процессов в этой стране и в государствах «Малой Центральной Азии». Специфическая картина будет получаться с точки зрения, например, изучения водных вопросов: бассейн Аральского моря включает в себя северную часть Афганистана, но не затрагивает значительную часть Казахстана.

Таким образом, как мне представляется, мы можем говорить о «центрально-азиатских исследованиях», которые формируются как «наложение» целого комплекса подходов, концепций и теорий, различающихся объектами, методиками исследования и теоретическими основами изучения.

— Центрально-Азиатский регион — это перекресток различных цивилизаций. Но где проходят границы региона? Относить ли к нему только пять стран, ранее входивших в СССР? А может быть, к ним добавить СУАР КНР и Монголию? Может быть, Иран и Афганистан?

— Я уже частично ответил на данный вопрос раньше, как минимум, обозначил проблемность выделения региона «вообще». Поэтому позволю себе обозначить собственную позицию на регионализацию Центральной Азии с точки зрения тех вопросов, которые я изучаю, — вопросов безопасности — и в тех теоретических рамках, которые я в значительной степени разделяю — с точки зрения идей Копенгагенской школы.

В соответствии с положениями теории регионального комплекса безопасности, предложенной в рамках Копенгагенской школы Барри Бузаном, Оле Уэвером и Япом де Вилде [Buzan, Wæver, De Wilde 1998], внутренние динамики таких комплексов определяются степенью дружелюбности или враждебности от-

ношений между составляющими комплекс государствами. При этом по степени дружелюбности и враждебности можно выделить три вида комплексов:

1) конфликтные образования, в которых взаимозависимость государств строится на соперничестве и восприятии других стран, входящих в комплекс, как угрозы;

2) режимы безопасности, в которых государства, являясь друг для друга угрозами, достигают между собой договоренностей, снижающих имеющиеся вызовы и риски;

3) плюралистические сообщества безопасности, в которых государства не видят угрозы друг в друге и не готовятся использовать силу в отношении друг с другом, а рассматривают своих соседей как союзников и партнеров.

Страны Центральной Азии не позиционируют друг друга ни как потенциальных противников, ни как союзников в отношении традиционных (военных) угроз безопасности. Соответственно, здесь отсутствуют структуры дружбы / вражды, не ставятся вопросы относительно поддержания регионального баланса сил, региональная безопасность не рассматривается через призму дилеммы безопасности.

Практически ни один конфликт в Центральной Азии и вокруг нее не вышел за рамки государственных границ и не приобрел межгосударственного или регионального измерения. Наиболее показательны в данном случае:

— гражданская война в Таджикистане (1992—1997), вовлеченность в которую других стран Центральной Азии в качестве миротворцев была крайне ограничена;

— противостояние в Афганистане между движением «Талибан» и Северным альянсом в 1994—2001 гг., затронувшее страны Центральной Азии только через ограниченное число беженцев и дислокацию Объединенной таджикской оппозиции на территории Афганистана;

— межэтнический конфликт в июне 2010 г. в южных — Ошской и Джалал-Абадской — областях Киргизии: даже Узбекистан, имевший все основания и предпосылки для вмешательства, дистанцировался от конфликта и ограничился только временным принятием беженцев.

Иначе говоря, относительно Центральной Азии неприменимы термины «конфликтное образование», «режим безопасности» или «плюралистическое сообщество безопасности». Структурные условия для регионализации Центральной Азии с точки зрения безопасности отсутствуют. Более того, страны Центральной Азии демонстрируют неготовность их конструировать. Таким образом, Центральная Азия, с точки зрения международной безопасности, не сложилась как региональный комплекс.

Вместе с тем на межгосударственном уровне активно секьюритизируются «новые угрозы безопасности», связанные с активностью негосударственных акторов, которым приписывается международный характер. Речь идет о секьюритизации терроризма, религиозного экстремизма, незаконного распространения наркотических веществ. Особенностью секьюритизации этих угроз в странах Центральной Азии является то, что они в значительной степени связываются с ситуацией в Афганистане, который не рассматривается как часть регионального

комплекса безопасности. Таким образом, основной источник угроз и вызовов выносится за рамки региона и позиционируется как внешний относительно стран Центральной Азии.

Таким образом, несмотря на то что идея единства Центральной Азии с точки зрения вопросов безопасности не была воплощена в жизнь, она была действенным политическим и идеологическим фактором в 1990-е и 2000-е гг. Таким фактором эта концепция остается и в настоящее время. Соответствующее положение имеет смысл обозначить как «квазикомплекс безопасности», иными словами, как номинальный комплекс, который организуется скорее идеей или термином (в нашем случае — термином «Центральная Азия»), чем региональными структурами безопасности. Страны, составляющие квазикомплекс, описывают основные проблемы своей безопасности как происходящие из-за пределов региона, в то время как на самом деле эти проблемы имеют внутренний характер.

Границы нашего квазикомплекса в настоящее время достаточно четко определены: почти общепринятым является мнение, что Центральная Азия в политическом аспекте — региональное образование, объединяющее пять республик (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан). Любые варианты его расширенного понимания наталкиваются на жесткое неприятие, как это произошло с идеей «Большой Центральной Азии». Под этим неприятием есть и объективные основания: все перечисленные вами страны и территории (СУАР КНР, Монголия, Иран), за исключением, возможно, Афганистана гораздо сильнее связаны с другими регионами, чем с Центральной Азией. Даже в случае Афганистана о той или иной связи с Центральной Азией имеет смысл говорить только в отношении его северных территорий.

Конечно, ситуация может меняться. Например, инициативы Узбекистана, реализуемые последние два года и направленные на нормализацию двусторонних отношений с его соседями, вновь подняли вопрос о возможности конструирования «Центральной Азии» как региона. Однако говорить об этом пока еще преждевременно, поскольку речь идет не столько о «Центральной Азии», сколько о формировании пространства, которое я предлагаю именовать «регион Узбекистана». Происходит переход Узбекистана от региональной политики в рамках заданных априорных формальных схем («Центральная Азия как пять постсоветских республик») к региональной политике прагматического характера, когда в регион входят страны не по формальному признаку, а по признаку наличия реального взаимодействия.

— Можно ли назвать Центрально-Азиатский регион отдельной подсистемой международных отношений? Кто из глобальных акторов, на ваш взгляд, лидирует в гонке за доминирование в данном регионе?

— Повторюсь, Центральная Азия с точки зрения вопросов безопасности является «квазирегионом», выполняющим функции буфера и изолятора между соседними странами и регионами. Иными словами — да, это отдельная, особая подсистема международных отношений.

Поскольку этот «квазирегион» одновременно является периферией современной системы международных отношений, говорить о «гонке за лидерство» здесь не совсем корректно — мы не представляем для держав глобального уровня какого-то стратегического интереса. Можно выделить несколько этапов, демонстрирующих рост и спад интереса к Центрально-Азиатскому региону со стороны глобальных держав.

В начале 1990-х гг., после распада СССР, Центральная Азия представляла интерес для США и соседних государств — Китая, Ирана, Турции, поскольку было непонятно, что будет происходить, какие будут выстраиваться отношения с постсоветскими государствами, какую политику они будут проводить. Но это было просто внимание к чему-то новому, не более. Однако к концу 1990-х гг. стало понятно, что интерес глобальных акторов к пяти центральноазиатским республикам будет низким и в политическом, и в экономическом, и в военном плане.

Конечно, в начале 2000-х гг. в связи с событиями в Афганистане интерес возрос, поскольку регион выступил в качестве «моста» для проникновения в Афганистан. В Центральной Азии возникли военные базы. Однако этот интерес все равно не достиг того уровня, который можно было бы назвать стратегическим. Это подтверждается конкретными данными: если мы сравним, например, присутствие США в Восточной Азии или на Ближнем Востоке с присутствием в Центральной Азии, то поймем, что это просто несопоставимо, и так было даже в начале 2000-х гг. В военном плане в центральноазиатских республиках находилось, условно говоря, полторы военные базы. На Ближнем Востоке военных баз насчитывается несколько десятков. Аналогичная ситуация наблюдается и в Восточной Азии. Поэтому в сопоставлении интерес к региону оставался достаточно низким.

В 2012—2014 гг. можно наблюдать небольшой всплеск интереса к Центральной Азии опять-таки по причине Афганистана, вследствие необходимости понять, как страны региона будут реагировать на вывод войск НАТО из Афганистана, готовы ли центральноазиатские государства разделить ответственность за ситуацию в Афганистане и проч. Как мы видим, все вновь завязано на афганской проблеме.

На сегодняшний день также очевидно, что присутствие глобальных игроков в регионе достаточно низко. Посмотрите, даже Китай, выдвигая инициативу «Один пояс, один путь», рассматривает Центральную Азию только как «пояс», как некий буфер. Если говорить о США, то страны Центральной Азии в настоящее время интересны для этой державы почти исключительно как территория, по которой проходит Северная распределительная сеть, через которую идут грузы для сил НАТО в Афганистане.

— После разгрома ИГИЛ (запрещена в РФ) в Сирии и Ираке данная террористическая группировка переносит свою активность в другие регионы мира. Как вы считаете, какую опасность она представляет для Центральной Азии?

— По моему мнению, террористическая угроза в странах Центральной Азии в настоящее время в значительной степени преувеличена. С 1990-х гг. политиче-

ские дискурсы стран Центральной Азии как обязательный компонент включают отсылку к вопросам безопасности, которые, начиная с террористических атак 1999 г. в Ташкенте, а затем — активизации боевиков Исламского движения Узбекистана в приграничных областях Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в 2000 и 2001 гг., начинают прочитываться через призму угрозы терроризма. В настоящее время мы можем регулярно читать статьи об угрозе религиозного терроризма в Центральной Азии. При этом, в соответствии с Глобальной базой данных терроризма (Global Terrorism Database), поддерживаемой Национальным консорциумом по изучению терроризма и реагированию на терроризм, действующим при Университете штата Мэриленд, за пять лет (с 2012 по 2016 г.) в Центральной Азии в целом произошел всего 31 террористический инцидент. Более того, в 2016 г., в соответствии с данными Глобального индекса терроризма (Global Terrorism Index), Казахстан и Таджикистан были отнесены к странам с нижним средним уровнем влияния терроризма, Киргизия — к странам с низким уровнем влияния терроризма, а Узбекистан и Туркменистан — к странам, где влияние терроризма практически не фиксируется.

Соответственно, тема ИГИЛ в отношении Центральной Азии также излишне идеологизирована и секьюритизирована. Эта структура имеет четкую территориальную и идеологическую привязку к Ближнему Востоку. К Центральной Азии она имеет отношение лишь в силу наличия активных информационно-пропагандистских потоков и раскручивания соответствующего бренда. Иными словами, по моему мнению, серьезно влияние ИГИЛ на страны Центральной Азии можно обсуждать только с точки зрения возможности совершения здесь тех или иных разрозненных акций, мотивированных пропагандой, идеологией или примером ИГИЛ. Скорее всего, это могут быть акции так называемых «одиноких волков» (lone wolves). Системное влияние в настоящее время маловероятно.

Тем не менее, конечно, ситуация может меняться. Уже сейчас в Афганистане фиксируются группы, заявляющие о своей приверженности идеологии ИГИЛ или о том, что они являются его боевыми подразделениями. Полностью исключать вероятность, что эти группы будут действовать и в центральноазиатском направлении, нельзя.

— Каким вы видите будущее мировых исследований Центральной Азии? И какие исследовательские проблемы интересны лично вам в настоящее время?

— Мы вновь возвращаемся к многоплановости и многоаспектности исследований Центральной Азии. Возьму на себя ответственность очертить, прежде всего, перспективы исследований безопасности в Центральной Азии.

Как мне представляется, периферийность стран Центральной Азии, ее «квазирегиональный» характер и очевидное отсутствие здесь межгосударственной конфликтности ведет к более глубокому изучению политических и социально-экономических систем этих стран, процессов, происходящих в них. В идеале — в рамках сравнительной политической науки с выходом на количественные показатели и индикаторы. Второй вектор — повышение внимания к теоретическому

осмыслению процессов в странах Центральной Азии. Первоначально — с точки зрения современных теорий международных отношений и исследований безопасности, например, таких, как критические исследования или конструктивизм. В перспективе — в рамках собственных теоретических моделей. Уже сейчас есть достаточно большая группа молодых специалистов, прошедших обучение в ведущих университетах мира, хорошо знающих современные теории и методы исследования и занимающихся вопросами безопасности в Центральной Азии.

То есть, обобщая, хочется надеяться, что будет возрастать доля реальных верифицируемых и фальсифицируемых исследований и сокращаться поле «политических анекдотов».

Мой основной интерес — в формировании теоретических рамок осмысления процессов в области безопасности в странах Центральной Азии [Бурнашев 2015; Burnashev 2017]. Если говорить более конкретно, мои научные интересы применительно к странам Центральной Азии лежат в плоскости рассмотрения их как слабых демодернизирующихся государств, обеспечение безопасности которых характеризуется парадоксальной ситуацией, когда при очевидной уязвимости таких государств некоторые из них остаются достаточно устойчивыми длительное время. Если защищенность относительно внешних факторов объясняется «вестфальскими» нормами международных отношений, то факторы внутренней стабильности, практики, обеспечивающие такую стабильность, остаются в настоящее время непроясненными. Выделение таких практик, определение механизмов их реализации и лежит в фокусе моего текущего научного интереса. При этом я исхожу из идеи необходимости археологического и генеалогического анализа (в смысле, предложенном Мишелем Фуко [Фуко 1994, 1996, 2004]) концепта «безопасность» в странах Центральной Азии, в частности — в Узбекистане.

Интервью провела О.С. Чикризова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бурнашев Р.* Анализ вызовов безопасности стран Центральной Азии: центр и периферия // Казахстан в глобальных процессах. 2015. № 3 (45). С. 59—69.
- Фуко М.* Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
- Фуко М.* Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. С. 74—97.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб.: А-cad, 1994.
- Burnashev R.* The Dynamics of NATO Presence in Central Asia: A Genealogical Analysis // Central Asia's Affairs. 2017. No 2. P. 33—42.
- Buzan B., Wæver O., De Wilde J.* Security: A New Framework For Analysis. L.: Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Cornell S.E., Starr F., Tucker J.* Religion and the Secular State in Kazakhstan. The Central Asia-Caucasus Institute and the Silk Road Studies Program, 2017.
- Costa Buranelli F.* Spheres of Influence as Negotiated Hegemony — The Case of Central Asia // Geopolitics. 2017. DOI: 10.1080/14650045.2017.1413355.

- Costa Buranelli F.* World society as a shared ethnos and the limits of world society in Central Asia // *International Politics*. 2018. Vol. 55. No 1. P. 57—72. DOI: 10.1057/s41311-017-0064-6.
- Fish S.M., Choudhry O.* Democratization and Economic Liberalization in the Postcommunist World // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. No 3. P. 254—282. 10.1177/0010414006294169.
- Nourzhanov K.* State-Society Dynamics and Authoritarian Stability in Central Asia // *Weak States, Strong Societies: Power and Authority in the New World Order* / ed. by A. Saikal. London and New York: I. B. Tauris & Co Ltd, 2016. P. 123—148.
- Weak States, Strong Societies: Power and Authority in the New World Order* / ed. by A. Saikal London and New York I.B. Tauris & Co Ltd, 2016.
- Wilkinson C.* The Copenhagen school on tour in Kyrgyzstan: is securitization theory useable outside Europe? // *Security Dialogue*. 2007. Vol. 38. No 1. P. 5—25. DOI: 10.1177/0967010607075964.

Для цитирования: Центральноеазиатские исследования в контексте теорий международных отношений. Интервью с Р.Р. Бурнашевым, профессором Казахстано-Немецкого университета (Казахстан) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 2. С. 400—410. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-400-410.

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-400-410

CENTRAL ASIAN STUDIES IN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL RELATIONS THEORIES

**Interview with R.R. BURNASHEV,
Professor of Kazakhstan-German University (Kazakhstan)**

Abstract. Prof. Rustam Burnashev was born in 1969 in Tashkent. In 1986—1991 studied at the Philosophy and Economics Department of Tashkent State University named after V. Lenin on the specialty “Philosophy”. In 1995—1997 he studied in the graduate school of the Institute of Philosophy and Law named after M. Muminov of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; PhD.

Teaching career began in 1991 as a teacher of philosophy and logic of the Department of Philosophy and Law of the Second Tashkent Medical Institute. Since 1998 was Senior Research Fellow, then the head of the Foreign Policy Analysis sector of the Institute of Strategic and Interregional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan. Since 2000 — Associate Professor of the Faculty of International Relations, Abylai Khan University of International Relations and World Languages. Since 2002 — Professor of the Faculty of Social Sciences of the Kazakh-German University. From 2004 to 2010 Prof. Burnashev regularly worked at the University of California-Berkeley as an invited researcher.

In his interview, Prof. Burnashev analyzes the state of Central Asian studies in Europe and the US, talks about the specifics of the development of Central Asia at the present stage, emphasizing the far-fetched and exaggerated nature of the threat emanating from radical Islamist groups for the Central Asian region.

Key words: Central Asia, Central Asian Studies, the theoretical and methodological approach, the Copenhagen School, security of Central Asia

REFERENCES

- Burnashev, R. (2017). The Dynamics of NATO Presence in Central Asia: A Genealogical Analysis. *Central Asia's Affairs*, 2, 33—42.
- Burnashev, R. (2015). Analysis of Security Challenges for Central Asia States from the Centre-Periphery Perspective. *Kazakhstan in Global Processes*, 3 (45), 59—69 (In Russ.).
- Buzan, B., Wæver, O. & De Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework For Analysis*. L.: Lynne Rienner Publishers.

- Cornell, S.E. Starr, F., & Tucker, J. (2017). *Religion and the Secular State in Kazakhstan*. The Central Asia-Caucasus Institute and the Silk Road Studies Program.
- Costa Buranelli, F. (2017). Spheres of Influence as Negotiated Hegemony — The Case of Central Asia. *Geopolitics*. DOI: 10.1080/14650045.2017.1413355.
- Costa Buranelli, F. (2018). World society as a shared ethnos and the limits of world society in Central Asia. *International Politics*, 55 (1), 57—72. DOI: 10.1057/s41311-017-0064-6.
- Fish, S.M. & Choudhry, O. (2007). Democratization and Economic Liberalization in the Postcommunist World. *Comparative Political Studies*, 40 (3), 254—282. DOI: 10.1177/0010414006294169.
- Foucault, M. (1996). Nietzsche, genealogy, history. In: *Philosophy of Postmodern Epoque*, Minsk: OOO Krasiko-print Publ., p. 74—97. (In Russ.).
- Foucault, M. (2004). *The Archeology of Knowledge*. Translated from French by M.B. Rakova, A.U. Serebryannikova. Saint Petersburg: IC “Gumanitarnaya Akademiya”; Universitetskaya kniga Publ. (In Russ.).
- Foucault, M. (1994). *The order of things. The Archeology of Humanities*. Translated from French by B.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. Saint Petersburg: A-cad.
- Nourzhanov, K. (2016). State-Society Dynamics and Authoritarian Stability in Central Asia. In: *Weak States, Strong Societies: Power and Authority in the New World Order*. Ed. by A. Saikal. London and New York: I.B. Tauris & Co Ltd., p. 123—148.
- Saikal, A. (ed.) (2016). *Weak States, Strong Societies: Power and Authority in the New World Order*. London and New York: I.B. Tauris & Co Ltd.
- Wilkinson, C. (2007). The Copenhagen school on your in Kyrgyzstan: is securitization theory useable outside Europe? *Security dialogue*, 38 (1), 5—25. DOI: 10.1177/0967010607075964.

For citations: Central Asian Studies in the framework of International Relations Theories. Interview with R.R. Burnashev, Professor of Kazakhstan-German University (Kazakhstan). (2018). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 400—410. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-400-410.